

Образ медведя в чувашской культуре

DOI 10.31483/r-103500

УДК 398.21

Фомин Э. В.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме: Работа посвящена изучению образа медведя в чувашской лингвокультуре и ставит целью изучить его свойства в восприятии чувашского народа в широком этнографическом аспекте, включая лингвистический (этимологический, ономастический), а также фольклорный подходы. *Материалом* исследования послужили тексты устного народного творчества и этнографические разработки, содержащие сведения о медведях. Автор также обращается к тематическим разработкам в области финно-угроведения, так как финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей. Исследование базируется на традиционных *методах*: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы. Медведь является популярным персонажем чувашского фольклора. При этом он в чувашской культуре не имеет однозначной оценки: медведь – простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь признается чувашами символом силы. Аналоги в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финно-угры, признают медведя тотемным животным. Ряд чувашских текстов о медведях представляет собой кочующие сюжеты.

Ключевые слова: медведь, чувашский язык, фольклор, этнография.

Для цитирования: Фомин Э. В. Образ медведя в чувашской культуре // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 62-65. DOI:10.31483/r-103500.

Research Article

The Image of a Bear in the Chuvash Culture

Eduard V. Fomin

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts"

of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0001-6708-9909>, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract: The work is devoted to the study of the image of the bear in the Chuvash linguistic culture and aims to study its properties in the perception of the Chuvash people in a broad ethnographic aspect, including linguistic (etymological, onomastic), as well as folklore approaches. The *material* of the study was the texts of oral folk art and ethnographic developments containing information about bears. The author also refers to thematic developments in the field of Finno-Ugric studies, since the Finno-Ugric peoples are representatives of the forest culture, which invariably implies a significant participation of bears in their lives. The study is based on traditional *methods*: scientific understanding of oral folk art and analysis of ethnographic literature. The bear is a popular character in Chuvash folklore. At the same time, it does not have an unambiguous assessment in the Chuvash culture: the bear is an ingenuous creature, as a result of which it loses to a cunning person. At the same time, the Chuvash recognize the bear as a symbol of strength. Analogues in the perception of the bear are more likely to be traced in Russian linguistic culture than in the cultures of the Volga-Kama peoples, many of whom, primarily the Finno-Ugric peoples, recognize the bear as a totem animal. A number of Chuvash texts about bears are nomadic plots.

Keywords: bear, Chuvash language, folklore, ethnography.

For citation: Fomin E. V. (2022). The Image of a Bear in the Chuvash Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(4), 62-65. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103500.

Введение

Медведь является распространенным животным, в силу чего нарративы о медведях встречаются у многих народов мира. По сути это идеальный объект, позволяющий собрать в одном источнике разноязычный материал как единый феномен. Бесценная идея создать коллекцию национальных образцов рассказов о медведях с глоссированием материала принадлежит Т. Б. Агранат.

Данное сообщение подготовлено для участия в работе круглого стола «Медвежьи рассказы на языках планеты людей», запланированной в рамках международной конференции «Лингвистический форум 2022: традиционные речевые формы и практики» Института языкознания Российской академии наук (17–19 ноября 2022 г.).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили чувашские фольклорные тексты и этнографические записи, повествующие о медведях. Автор также обращается к близким по тематике разработкам главным образом в области финно-угроведения. Ориентация на финно-угристику не случайна, поскольку финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей.

Исследование базируется на традиционных методах: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Чуваши́ская Республика является ареалом обитания бурого медведя (*хăмър уна* [хъмър убá]). В результате нерегулируемой охоты они здесь полностью исчезли к 1960 гг. В настоящее время в республике зафиксировано около 20 особей в основном в Алатырском Присурье. (Согласно расчетам исследователей, «ресурсная емкость присурского лесного массива позволяет обитание медведей в 3–4 раза большей численности» [Глушенков, 2020, с. 58]) Чувашское Заволжье является территорией их кратковременного пребывания в летний период. В республике время от времени фиксируются незначительные конфликты с участием медведей.

Этимология слова *уна* ‘медведь’. *Уна* [убá], чувВ. *она* [обá] ‘медведь’ < тюрк. *аба* ‘отец (тел., шор., саг.); предок (тур., чаг.); дядя со стороны отца (чаг.); старший брат (кач.); медведь’ (саг., койб., кач.); *абаа* ‘старший брат’ (саг.); *абуу* (тел., чаг. = монг.) ‘бабушка’; др.-тюрк. *аба* ‘медведь’ [Федотов, 1996, т. 2, с. 282], см. также у В. Г. Егорова: чув. *уна* = хак. *оба* ‘медведь; отец’ [Егоров, 1964, с. 275].

У слова *уна* в чувашском языке нет значения родителя, для этого используется слово *атте* [ат’э]. Безусловно, чувашское *уна* является результатом табуированного называния медведя, сложившегося еще во времена древнетюркской эпохи и выразившееся в семантическом переходе *отец* → *медведь*: «*Медведь* (*ауи*) у многих тюркских народностей считался предком людей, был почитаем, и даже после смерти его останки служили объектом поклонения» [Позднякова, Ёылдырым, Хамуркопаран, 2014, с. 126].

Подобный переход в разряд сакрального исходного слова *отец* наблюдается в современном чувашском языке: *аслати* ‘гром’ < *асла* *атте* букв. великий отец.

Сближение чувашского *уна* с общетюркским исторически омонимичным *аба* ‘мать’ (ср. с чув. *апай* [абáй], *апи* [аб’й]) и попытки на этой основе выстроить концепцию тотемности медведя в чувашской среде ошибочно (см.: Севортян, 1974, с. 54–58).

Производные формы: *упален*- (< *уна* + *-лен*) ‘ползать на четвереньках подобно медведю’ (здесь загадочным выглядит нарушение закона сингармонизма, ожидаемое *упалан* (*уна* + *-лан*) – стать подобным медведю, ср. с *обалан* у Н. И. Золотницкого: ‘ползти на брюхе’ [Золотницкий, 1875, с. 18], данная форма в других лексикографических источниках не фиксируется); *упамас* [убамáс] ‘увалень, медведь; медлительный, неповоротливый’; *унаçа* (*уна* + *-çа*) [убáзъ] «зверолов-медвежатник», откуда фамилия *Убасев*; *уна сарри* [убá сар’й] ‘папоротник’, букв. медвежья подстилка; *уна алли* [убá ал’йы] [прибор для натягивания обручей; заступ для вынимания земли при рытье ям для столбов]; *уна лёпёше* [убá л’ёб’ёж’ё] ‘ночная бабочка’; *уна майри* [убá мýй’ри] ‘греческий орех’; *уна çамки* [убá çамг’й] ‘бляха на ремне’; *уна кáтки* [убá кýтк’й] название вида крупных муравьев, *уна чёрни* [убá чýр’н’й] ‘лапка для рыхления грядок’ и др. Фразеологические единицы: *унапа кашкър нек* = рус. как кошка с собакой, букв. как медведь с волком; *уна таишии ташила* ‘сильно шуметь’

букв. медвежий танец танцуй. В целом в чувашском языке наблюдается тенденция словом *уна* обозначить крупные объекты.

Медведь в чувашской ономастике. Благопожелательным именем *Уна* и его производными (*Унай* [убáй], *Унак* [убáк], *Унакка* [убак’á], *Унаккай* [убак’áй], *Унамсар* [убамзár], *Унанкка* [убанк’á], *Унаçка* [убаçкá], *Онаç* [обáç], *Онашка* [обашкá]) в чувашской культуре нарекались только мужчины: *Уна тесе ак мёниён хураççё: уна нек сывлăхлă пултăр, чирё ан тивтёр тесе хураççё* ‘Вот почему называют *Уна*: пусть будет здоровым, как медведь, пусть не болеет – вот почему’ (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249]. Имя обусловлено традицией, согласно которой «в семьях, где часто умирали дети, новорожденным давали странные, «нечеловеческие» имена (*Сўппи* «Сор», *Уна* «Медведь»)» [Салмин, 2004, с. 112]. Оно в тех же целях могло использоваться и в качестве второго имени взамен официального табуированного.

Настоящее имя в выделительной форме дало начало распространенному чувашскому ойкониму *Уни* [уб’й], как правило, сопровождающего названия дочерних селений: *Уни (Пасарлă Уни* букв. Базарное Убеево, *Чиркўллё Уни* букв. Церковное Убеево) – с. Убеево в Красноармейском районе Чувашской Республики → *Кёрекаç Уни* – Кирегаси, *Сёньял Уни* – Синьял Убеево, *Тусай Уни* – Досаево, *Турхан Уни* – Торханы, *Хёлес Уни* – Хлеси, *Чаканар Уни* – Чаганары, *Четверти Уни* / *Синче Кёпер Уни* – Янмурзино, *Янкас Уни* – Янгасы, а также *Кивё Уни* – Старые Убеи и *Сёне Уни* – Новый Убей в Дрожжановском районе Республики Татарстан, *Униел* – Убейкино в Иса克林ском районе Самарской области. Кроме того, названный антропоним встречается в составе производных названий сел: *Унамса* – Абамза в Батыревском районе; *Унаçырма* – Оба-Сирма в Красноармейском районе, букв. медвежий овраг; *Унакасси* – Алмандаево в Мариинско-Посадском районе, букв. медвежье селение; *Унакаси* / *Упукушкăнь* – Обыково в Красночетайском районе; *Опикасси* – Обиково (ныне в составе Чебоксар); *Пысăк Унакасси* – Большие Абакасы / Большие Убакасы в Ибресинском районе. (Интересным представляется колебание инициальных *у / о ~ а* в чувашских и русских названиях ойконимов. Надо полагать, это связано с тем, что ко времени фиксации чувашских названий в русских документах в XVII–XVIII вв. переход *у / о* в *а* еще не был завершен.)

Медведь в чувашском фольклоре. Медведь – популярный персонаж чувашского фольклора. Частота его упоминания сравнима с упоминанием популярных персонажей – волка, зайца и лисы.

В детском фольклоре устойчивое название медведя – *уна-утама́н* [уба удама́н] ‘медведь-атаман’: *Энё уна-утама́н, ик урапа утака́н* ‘Я медведь-атаман, на двух ногах ходящий’; *Урлă ура – утама́н* ‘Косолапая нога – атаман’ (медведь).

Медведь в фольклорных текстах бесхитростное существо, малопонимающее сложные социально-коммуникативные отношения людей, из-за чего может пострадать серьезно вплоть до смерти (см.: Уна ури //

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1985. С. 248; Упапа хĕр ача. Там же. С. 249–250;).

Как правило, медведь в народной прозе является самцом, вступающим в брачные отношения с украденной девушкой. У него рождаются дети: либо в человеческом облике, либо наполовину люди, наполовину медведи. Дети, рожденные от медведей, бывают наделены недюжинной силой, прямоотой и решительностью (см.: Сурри упа, сурри этем сын // Нараста юмахĕсем. Шупашкар, 2012. С. 280–282; Пуппа майри. Там же. С. 283–284).

В редких случаях медведь может быть осознан в качестве самки: *упа килеми* [уба к'ил'эм'и] 'бабушка медведица', почтительное обращение к медведице [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248]. В этой связи интересной представляется легенда о превращении в медведей двух женщин – невестки и свекрови – без возможности обернуться людьми, поскольку ими были нарушены правила (см. легенду «Упа» в: Чăваш халăх сăмахлăхĕ: мифсемпе халапсем. Шупашкар, 1987. С. 61).

Чувашские сказки про медведей перекликаются с текстами других народов. Например, сказка «Упапа хĕр ача» (Медведь и девочка) обнаруживает сюжетное сходство с однотемной мордовской сказкой, ср.: Упапа хĕр ача // Чăваш халăх сăмахлăхĕ : ача-пăча сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1985. С. 249–250; Мокшин, 2012, с. 320).

При всем этом чувашам присуще упрощенное восприятие медведей, чем финно-угорскими народами. Находящиеся в тесных контактах с чувашами «марийцы почитали медведя, считая его “человеком в шкуре”» [Марийцы, 2013, с. 289], хозяином леса. «В произведениях марийского фольклора много сюжетов, рассказывающих о сожительстве марийских женщин с медведями. В этих легендах отражается архаическая идея магического содействия зверя плодородию, позже превратившая медведя в покровителя семейно-брачных отношений» [Мокшина, 2012, с. 100]. В чувашской среде не имело развития осознание медведя как абстрактного символа, удаленного от наблюдаемой физической подосновы.

Медведь в аспекте чувашской этнографии. Медведь не является тотемным животным чувашей, им признается волк.

В речевой практике медведь имеет отрицательную коннотацию, ср.: *упа нек утат* 'как медведь ходит' – о неуклюжей походке; *упа нек уласа лар* 'реветь, как медведь', *упа нек пĕччен* 'как медведь одинок'. Негативная характеристика отразилась также в фольклорных текстах малого жанра: *Кăмакара лăпсăр-лапсăр упа ташлат* 'В печи косматый медведь танцует' (тень). Медведь является существом, которым пугают ребенка: *упа килет* 'медведь идет'.

В системе дохристианских чувашских верований покровителем медведей являлся *Пихампар* [п'иуам-бър], бог домашних животных и зверей. Злой дух *вупър* [в'убър] мог обернуться медведем, а при болезни, насылаемой *хаяр* [хăяр], больные рыдали медвежьим голосом [Салмин 2004, с. 83, 100–102]. На святках моло-

дые люди переодевались в медведей: *Пĕри упа пулат, тепри хуши пулат*. *Хуши упана ташлаттарса сурет* 'Один медведем становится, другой хозяином. Хозяин ходит и заставляет танцевать медведя' (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248].

Охота на медведя среди чувашей производилась следующим образом: «В прежнее время, когда ружей у чуваш было немного, охотились за зверями, особенно за медведями, с рогатинами, топорами и дубинками. Человек 40–50 отправлялось в присурский лес и начинали отыскивать медведя. Нацелившись на его берлогу, они старались выманить его на драку. Выставляли против него рогатину за рогатиной, направляя их в грудь и брюхо медведя. Тот бил лапой по дротуку. Ставили ему против груди рогатину, две, три. Наконец, уставляли против брюха его рогатину, с железом шириною в четверть аршина, на длинном древке из молодого, завяленного и окостеневшего дуба. Наступление медведя замедлялось: лапа его не могла переломить дротика и чем больше бил он по древку, тем глубже входило в него железо, расширяя рану. Доканчивали медведя ударами дубин» [Никольский, 1929, с. 55].

Чувашская кулинария допускает употребление медвежатины.

Медведь в народном художественном творчестве. Образ медведя в традиционном художественном творчестве, нередко ориентированном на отображение флоры и фауны, и материальной культуре чувашского народа имеет едва заметное выражение. В научной литературе зафиксированы сведения об особом способе крыть крышу, называемом *упа кутле* [уба кутл'э] 'sicut asinus ursi' [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249], производстве длинной шубы *тохха* [тох:а] из медвежьей шкуры [Захарова-Кульева, 2017, с. 74], узоре *она сѳпкăмĕ* [обă сѳпкъм'ь] букв. охпка медведя, танце *упа ташши* [уба таш:и] букв. медвежий танец [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 251] без описания технологий и правил.

Закключение

В чувашской культуре медведь не имеет однозначной оценки. Он простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь, как и улып-великан, признается чувашами символом силы. Аналоги в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финно-угры, признают медведя тотемным животным.

Сокращения

Др.-тюрк. – древнетюркский язык, кач. – качинский диалект хакасского языка, койб. – койбалский диалект хакасского языка, монг. – монгольский язык, саг. – сагайский диалект хакасского языка, тел. – телеутский диалект алтайского языка, тур. – турецкий язык, тюрк. – тюркские языки, хак. – хакасский язык, чаг. – чагатайский (староузбекский) язык, чувВ. – верховой диалект чувашского языка, шор. – шорский язык.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Чăваш сáмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка. – Казань – Чебоксары, 1928–1950.
2. Глушенков О. В. Бурый медведь в Чувашской Республике // Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Смидовича. – 2020. – Выпуск 24. – С. 51–60.
3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964. – 357 с.
4. Захарова-Кульева Н. И. Чăваш халăх тумё : этнографи словарё. – Шупашкар : Чăваш кёнеке издательстви, 2017. – 251 с.
5. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и речениями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань : Типография Императорского университета, 1875. – VIII, 279 с.
6. Салмин А. К. Система верований чувашей. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. – 208 с.
7. Марийцы: историко-этнографические очерки. – 2-е издание, дополненное. – Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, 2013. – 480 с.
8. Мокшин Н. Ф. Мордовская мифология как система // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 2012. – С. 319–331.
9. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. – 2012. – №3–4. – С. 97–101.
10. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1929. – 221 с.
11. Позднякова А. А., Ылдырым А., Хамуркопаран Д. Зоонимный компонент в тюркской топонимии // Наука и школа. – 2014. – №2. – С. 125–129.
12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и общетюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян ; Институт языкознания ; Академия наук СССР. – Москва : Наука, 1974. – 766 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

References

1. Ashmarin, N. I. (1928-1950). Chavash samakhesen keneki = Slovar' chuvashskogo iazyka. Kazan – Cheboksary.
2. Glushenkov, O. V. (2020). The brown bear in Chuvashia. Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodnogo zapovednika imeni P. G. Smidovicha, Vypusk 24, 51-60.
3. Egorov, V. G. (1964). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka, 357. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Zakharova-Kul'eva, N. I. (2017). Chavash khalakh tume, 251. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi.
5. Zolotnitskii, N. I. (1875). Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennii s iazykami i racheniiami raznykh narodov tiurkskogo, finskogo i drugikh plemen. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta; VIII, 279.
6. Salmin, A. K. (2008). Sistema verovani chavashei, 208.
7. (2013). Mariitsy, 480. Marii El.
8. Mokshin, N. F. (2012). Mordovskaia mifologiya kak sistema. Mordva, 2, 319-331. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Mokshina, E. N. (2012). Image of a bear in religious and mythological beliefs of Finno-Ugric peoples (Mordvinians, Mari, Udmurt, Komi, etc.). Finno-ugorskii mir, 3, 97-101.
10. Nikol'skii, N. V. (1929). Kratkii kurs etnografii chuvash, 221. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
11. Pozdniakova, A. A., Iyldyrym, A., & Khamurkoparan, D. (2014). Animals names in the Turkic toponymy. Nauka i shkola, 2, 125-129.
12. Sevortian, E. V. (1974). Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Obshchetiurkskie i obshchetiurkskie osnovy na glasnye), 766. Sevortian; Moskva: Nauka.
13. Fedotov, M. R. (1996). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka.

Информация об авторе

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Eduard V. Fomin – candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines at the BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 24.09.2022

Принята к публикации / Accepted 20.12.2022

Опубликована / Published 24.12.2022